

Атмосфера школьного образования
в американской глубинке
как предпосылка готической поэтики
прозы Стивена Кинга

Тамара Л. Селитрина

*Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы, Уфа, Россия,
selitrina@yandex.ru*

Аннотация. До недавнего времени массовая литература (популярное искусство) не считалось серьезным фактором эстетического развития. В массовой беллетристике Стивен Кинг занимает особое место. Обращаясь к актуальным проблемам современности (выбора президента в «Мертвой зоне», буллинг в школе в «Кэрри», искусственный интеллект в рассказе «Грузовики» и т. д.), он использует занимательную интригу, создавая многогранные характеры. Как западные, так и отечественные критики отмечают у Кинга симбиоз идейной концептуальности и захватывающей фабулы. В статье раскрываются основные положения эстетической системы писателя, изложенные в автобиографических заметках «Как писать книги». Обращено внимание на требование учиться у классиков мировой литературы искусству повествования, развитию сюжета, глубине раскрытия характера, внутренней правде. На примере романа «Кэрри», одного из лучших в творчестве писателя, показано, что пуританское новоанглийское сознание не утратило своей жесткой ригористичности в XX в. Главная героиня романа становится жертвой религиозного фанатизма матери и подростковой жестокости одноклассников. Изображая одну из средних школ Новой Англии (штат Мэн), Кинг раскрывает разные формы агрессии, словесные унижения, буллинг. Жестокость и грубость перемещаются в коммуникативную сферу. В сценах жестокости по отношению к Кэрри писатель передает психологию толпы, «ментальную эпидемию», описанную К.Г. Юнгом. Опираясь на постулат М. Фуко, «кровь есть реальность с символической функцией», в статье показано обращение Кинга к древнему архетипу и верованиям, связанным с половой зрелостью девушки. Обращено внимание на прием «точки зрения» как в идейном, так и в пространственно-временном изображении действительности. Подчеркивается, что роман «Кэрри» превращается в способ познания реальных опасностей, угрожающих нравственности и человечности.

Ключевые слова: Стивен Кинг, Кэрри, буллинг, подростковая жестокость, психология толпы, К.Г. Юнг, М. Фуко

Для цитирования: Селитрина Т.Л. Атмосфера школьного образования в американской глубинке как предпосылка готической поэтики прозы Стивена Кинга // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 1. С. 120–130. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-120-130

The atmosphere of school education
in the American outback
as a premise of Gothic poetics
of Stephen King's prose

Tamara L. Selitrina

*Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla,
Ufa, Russia, selitrina@yandex.ru*

Annotation. Until recently the mass-literature (pop-art) was not considered to be a serious factor of aesthetic development. In popular fiction Stephen King takes a special place. Speaking about the topical issues of modern society (the Presidential election in the “Dead Zone”, school bullying in “Carrie”, artificial intelligence in “Trucks”, etc.) he uses an entertaining intrigue and creates multi-layered characters. Both western and Russian critics underline King's ability to combine the ideological conceptuality and breath-taking plot of his stories.

The article discloses the fundamentals of aesthetics system of the writer, covered in the autobiographical notes “On Writing: A Memoir of the Craft”. The accent is given to his call for studying the art of story-telling, plot development, deep disclosing the nature of the character, inner truth etc., from the classics of world literature. Regarding the novel “Carrie”, one of the best example of King's art, we notice that puritanical New England mentality didn't lose its rigoristic frames in twentieth century. The main character of the story becomes the victim of her mother's fanaticism and the adolescent violence of her classmates. Depicting one of the middle schools of New England (Maine), King shows different forms of aggression, verbal humiliation, bullying. Cruelty and coarseness are moved to the communicative field. In the episodes with the violence to Carrie, the writer renders crowd psychology and so-called mental epidemic described by Carl Jung. Based on the M. Foucault's assumption “blood is a reality in a symbolic sense” the article shows King's addressing to ancient archetype and beliefs, connected with maturity of a girl. The special attention is given to the point-of-view device both in ideological and space-

time depicting of the reality. It is pointed out that the novel becomes the way of recognition of real dangers to morality and humanity.

Keywords: Stephen King, Carrie, bullying, adolescent cruelty, crowd psychology, C.G. Jung, M. Foucault

For citation: Selitrina, T.L. (2025), "The atmosphere of school education in the American outback as a premise of Gothic poetics of Stephen King's prose", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 1, pp. 120–130, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-120-130

В своей статье «Распавшийся ансамбль. Знаем ли мы американскую литературу?» выдающийся отечественный американист А.М. Зверев подчеркнул, что для него американская литература «всегда была наиболее притягательна как раз своей пестротой, непредсказуемостью, если хотите, разношерстностью сюжетов и несомненно осозанным, даже яростным сопротивлением любой схематизации» [Зверев 2013, с. 406]. Задача данной статьи – показать на примере романа С. Кинга «Кэрри» атмосферу школьного образования в одном из провинциальных городков Новой Англии, когда разнообразные негативные социальные, культурные и психологические силы превращают учебу в «историю ужасов».

Современный американский писатель Стивен Кинг занимает своеобразное место в новейшей литературе США. Высоколобая американская критика относит его творчество к массовой литературе, которой не место в академических справочниках и словарях. Например, Гарольд Блум в предисловии к сборнику статей о творчестве Кинга признался, что с величайшим усилием перечитал «Кэрри» (1974) и «Свечение» (1977), что «книги Стивена Кинга напоминают ему скорее сценарии, романтические фэнтези и олицетворяют современный Век Информации», повторив мнение всех пишущих о Кинге, что он один из самых ярких последователей Эдгара По и Лавкрафта [Bloom 2007, p. 2]. Гарольд Блум относит книги Стивена Кинга по преимуществу к массовой литературе, односложно представляя читателю тематику научного сборника, редактором которого он являлся, делая акцент на интересе исследователей к жанру «романов ужаса», современной готики и так далее. Снисходительней к творчеству С. Кинга относятся иные критики. Виктор Тёрнер, например, считает лучшие романы Кинга «социальными драмами и мелодрамами» [Strengell 2005, p. 262]. Но еще в 1996 г. участники конференции «Читая Стивена Кинга» увидели в творчестве писателя «интеллектуальную свободу», обратив внимание на его высокое художественное мастерство [Power 1997, p. 21].

Сам Кинг чрезвычайно серьезно относится к литературному творчеству. После окончания университета он совершенствовал мастерство на нескольких литературных курсах, затем сам преподавал технику письма. Он призывает начинающих авторов «много читать <...> учиться стилю, изяществу повествования, развитию сюжета, созданию правдоподобных персонажей и умению говорить правду»¹. Разумеется, рассуждает Кинг, роман вроде «Гроздьев гнева» может «наполнить начинающего писателя чувством отчаяния и доброй старой завистью, – что он никогда так не сможет написать, но это и заставляет работать усердно»². Так же как Генри Джеймс, который скептически относился к высказыванию Тrollope о том, что тот ежедневно перед работой в течение двух с половиной часов трудился над очередным романом, Кинг к подобным заявлениям относится с иронией. По его мнению, «нельзя подходить к чистой странице равнодушно... писательство сродни вдохновению. Лучше всего, когда работа свежа и такова, что трудно удержать ее в руках»³. «Цель беллетристики, – рассуждает писатель, – не грамматическая правильность, а заманивание читателя, рассказывание ему истории, писательство есть соблазнение»⁴.

Если бы воображаемый собеседник спросил его, о чем он собирается писать, ответ был бы простым и однозначным: «О чем угодно, лишь бы вы говорили правду<...>». Много знает сердце, а еще больше воображение»⁵. Сам он любил с детства смотреть фильмы ужасов. Его одноклассники разделили фильмы на четыре группы: эдгарповские, военные, любовные и вестерны. Вспоминая свой ранний рассказ «Малолетний грабитель могил», он заметил, что и сегодня смог бы написать чуть более утонченную версию этого рассказа, потому что «возрос в любви к ночи и потревоженным гробам». По его мнению, «все решает не жанр как таковой, а характер его использования, достигнутый эстетический уровень и в первую очередь авторская установка»⁶. «Пишите, что хотите, – советует писатель, – потом пропитайте это жизнью и сделайте уникальным, добавив ваше знание жизни, любви, секса и работы»⁷. Тех, кто пишет исключительно для заработка, он считает «морально нечи-

¹ *King С.* Как писать книги <пер. с англ. М. Левина>. М.: АСТ, 2022. С. 156.

² Там же.

³ Там же. С. 164.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 169.

⁶ Там же. С. 170.

⁷ Там же. С. 173.

стоплотными», «жертвующими интеллектуальной честностью в погоне за бабками».

Работа беллетриста, подчеркивает Кинг, «найти внутреннюю правду в сотканной паутине выдуманного рассказа». Кинг уверен, что истинное творчество спонтанно; произведения «не пишут, они сами пишутся <...>. Литературные произведения – это находки, вроде окаменелостей в земле <...> это реликты <...> остатки неоткрытых ранее существовавших миров <...>. Дело писателя – с помощью инструментов из своего ящика достать их из-под земли, повредив как можно меньше»⁸.

Кинг не верит в заранее продуманную интригу, поскольку, по его мнению, всякая реальная жизнь лишена четкого плана и запрограммированного сюжета. Это высказывание Кинга напоминает читателю концепт «непредсказуемости поведения личности», о котором писал Ю.М. Лотман, опираясь на труды Ильи Пригожина. Кинг утверждает, что в основе его книг лежат не события, а ситуация. Он признается, что у него есть только один роман, с заранее придуманным сюжетом – это «Мертвая зона», который ему самому до сих пор чрезвычайно нравится. По мнению Кинга, самые интересные ситуации формулируются в виде вопроса «Что если...». Что если на небольшую деревушку в Новой Англии нападут вампиры («Жребий Салема»); что если полицейский в захолустном городке Невады взбесится и станет убивать всех, кто попадает на глаза («Безнадёга»). Встав на позицию Кинга, мы можем продолжить этот перечень: что если девочка, затравленная в школе сверстниками, наделенная даром телекинеза, сокрушит все на своем пути («Кэрри»).

По свидетельству писателя, в его воображении роман «Кэрри» возник как «история ужасов в средней школе»: «две отдельные идеи – подростковая жестокость и телекинез – сошлись воедино и дали мне идею произведения»⁹. По его словам, включился механизм сознания и подсознания одновременно.

После окончания университета Кинг проработал несколько лет учителем словесности в школе. Он вспомнил двух самых неприкаянных девушек из его класса. Одна из них – невзрачная, с «булькающим голосом», рыхлая и бледная, жила вместе с матерью и собакой в трейлере. Однажды мать девушки попросила его помочь передвинуть мебель. В гостиной он увидел «фигуру распятого Христа, почти в натуральную величину – глаза подняты к небу, рот обращен вниз, из-под игл тернового венца каплет кровь...»¹⁰. Он

⁸ Кинг С. Указ. соч. С. 177.

⁹ Там же. С. 81.

¹⁰ Там же. С. 85.

понял, что девушка выросла «под агонизирующим взглядом этого умирающего бога, и это сыграло свою несомненную роль в том, что она теперь такая, как она есть: робкая и нелюдимая изгнанница, крадущаяся как запуганная мышь по коридорам Лисбонской школы»¹¹. Впоследствии девушка вместе с матерью стали прообразом Кэрри и ее матери.

У Кэрри также стоит огромное гипсовое распятие: «Приколотый к кресту Иисус застыл со сведенными словно болезненной судорогой мышцами и раскрытым в мучительном стоне ртом <...>. Из-под тернового венца сбегали по вискам и лбу алые ручейки крови. В детстве это изображение Христа постоянно вызывало у Кэрри кошмары, в которых искалеченный Христос носился за ней по коридорам сна с молотком и гвоздями»¹².

Действие романа происходит в Новой Англии (штат Мэн), родине писателя. Именно в Новой Англии было положено начало пуританским колониям, и сама культура Новой Англии всецело носила пуритански-религиозный характер. Стивен Кинг в образе матери Кэрри подчеркивает эту особенность новоанглийского сознания, которое не утратило своих качеств и в двадцатом веке. Мать, не расстающаяся с Библией, в своей истовой убежденности в коренной испорченности человеческой природы, как будто непосредственно ступила со страниц пуританской литературы XVII в. С отвращением и стыдом она говорила о естественных атрибутах женщины (грудь называла «мерзостными подушками»). Она вновь и вновь готова повторять «в адамовом падении и наше прегрешение». Она требует у дочери постоянного и сурового самообуздания, дабы спастись от дьявольских происков и ухищрений. Главная задача матери – уничтожение «свободной души» Кэрри, которая часами должна была молиться и замаливать грехи в темном чулане, куда мать ее систематически отправляла с младенческого возраста. Не лучшая атмосфера царила и в школе.

Кинг признается, что первоначально центральный персонаж его эмоционально не трогал: «готовая жертва». Она представлялась ему «тупой и пассивной». В его воображении возникла возможная сцена в душевой, когда девчонки из класса, заметив месячные у ничего не знающей и не подозревающей Кэрри, бегали вокруг нее, злобно бросая тампоны и салфетки, скандируя «Заткни, заткни!». Затем эта сцена войдет в роман. Мать Кэрри никогда не разговаривала с дочерью о физиологии, особенностях женского организма,

¹¹ Там же.

¹² *Кинг С.* Кэрри <пер. с англ. А. Корженевского>. М.: АСТ., 2021. С. 41.

поэтому девушка приняла все происходящее с ней как предсмертное состояние. Ей казалось, что она теряет кровь накануне собственной гибели.

Кинг передает психологию группы, толпы, жестокость школьников, издевающихся над своей пассивной жертвой. Данный психологический казус может быть объяснен с точки зрения юнгианской аналитической психологии, когда в одной из своих лекций он говорил о ментальной эпидемии, публичном помешательстве: «Подобные движения очень заразительны – заражение происходит потому, что во время активизации коллективного бессознательного человек перестает быть самим собой. Он не просто участвует в движении, он есть и само движение» [Юнг 1994а, с. 38]. Но Юнг считал, что должны быть предпосылки к столь жестокому поведению. Философ подчеркивал, что в двадцатом веке «Трансцендентность христианского мира была утрачена, а вместе с ней и христианское представление о целостности. За светом следует тень, другая сторона Создателя... Ныне христианский мир воистину стоит лицом к лицу со злом, с откровенной несправедливостью, тиранией, ложью, рабством и принуждением» [Юнг 1994б, с. 323]. Не случайно статья одного из современных американских исследователей, посвященная романам о школе, называется «Вопль в школе», конструкция чудовищности в школьной готике. Западные исследователи любят обращаться к книге М. Фуко «Надзирать и наказывать», связывая ее постулаты с системой школьного образования.

В романе «Кэрри» одна из девушек по имени Сьюзен Снелл, участвовавшая в вакханалии в женской душевой, ощущает вину за содеянное. Она из благополучной семьи, одна из лучших учениц школы и предполагаемая королева выпускного бала. По этикету на выпускном балу принято появляться с партнером, у Сьюзен таким партнером является ее одноклассник Томми Росс – тоже отличник, спортсмен, своего рода благородный рыцарь, с которым Сьюзен собиралась связать свою судьбу. Внезапно она отказывается выставлять свою кандидатуру для участия в торжестве и просит Томми стать партнером Кэрри Уайт, осуществляя таким образом своеобразное покаяние. Кэрри шьет себе нарядное красное платье и принимает с радостью приглашение молодого человека. На балу окружающие с удивлением увидели в Кэрри привлекательную стройную красавицу.

Обычно исследователи говорят о фольклорном мотиве Золушки, используемом в этом эпизоде. Но в тот момент, когда Кэрри и Томми появляются на сцене в качестве короля и королевы бала, внезапно с потолка неудержимым потоком на них полилась кровавая жидкость. Бадья срывается, и Томми гибнет на месте, а

Кэрри, в состоянии аффекта, под издевательские грубые крики, истерический жуткий смех и улюлюканье пытается выбежать из зала. Ей подставляют ножку, «она растянулась во весь рост, оставив на полу длинный красный след»¹³. Стоя за пределами холла, в котором внезапно заклинило двери и присутствующие оказались в западне, Кэрри внезапно вернулась, но стояла она снаружи, «лицо и одежда по-прежнему были в крови, она улыбалась». Это была улыбка сфинкса. Если бы школьники воспользовались пожарным выходом, они были бы спасены, но большинство стояло в зале без движения. Внезапно с потолка полилась вода, затем стали дергаться электрические кабели и начался пожар. Радио сообщило, что причиной пожара послужило, скорее всего, электрическое замыкание, но пожарные гидранты были повреждены. Школа сгорела, огонь перебросился на город, начался процесс разрушения, в котором погибла и сама Кэрри.

Бесчеловечную интригу со свиной кровью придумала девушка из уважаемой семьи, дочь известного юриста, Кристина Харгессен. Поскольку она была зачинщицей злобной вакханалии в женском душе, руководство школы отказало ей в посещении выпускного бала, и в отместку она со своим приятелем придумала план отмщения, который ловко осуществила, заранее поместив под потолком ведра свиной крови. Мотив крови сопровождает Кэрри в последний ее школьный год: сначала в душевой, затем на школьном балу и в горящем городе. Можно сказать, что в этом романе кровь «есть реальность с символической функцией» [Фуко 1996, с. 253]. Мишель Фуко, которому принадлежит эта фраза, пишет об «обществе крови» – «обществе, где в почете война, где торжествует смерть, самодержец с мечом, палач и кровь, где власть говорит через кровь» [Фуко 1996, с. 253].

Газеты сообщили, что погибло более 400 человек: «выжженная земля и выжженные сердца». Стивен Кинг в качестве нарратива применяет прием точки зрения. Он важен и в идейном плане, и в пространственно-временном изображении действительности. В романе присутствуют несколько повествователей: это концептированный автор, который появляется однажды под собственным именем, это Р. Дэвид, автор вымышленной книги «Взорванная тень: реальные факты и выводы по истории Кэрриэтты Уайт» (1981), а также Сьюзен Снелл, автор книги «Меня зовут Сьюзен Снелл».

Кэрри стала жертвой религиозного фанатизма матери и подростковой жестокости в школе. В книге Филипа Райса и Кима Долджена «Психология подросткового возраста», выдержавшей

¹³ Кинг С. Кэрри. С. 177.

множество изданий, подчеркнуто, что «школьники получают слишком много отрицательных и слишком мало положительных обратных реакций от учителей и сверстников. Они могут чувствовать, что школа не отвечает на их потребности, обучаясь, они получают информацию, которая не соответствует их жизни» [Райс, Долджен 2014, с. 661]. Сюзен Снелл в своей книге пишет, что «Кэрри страдала. Так страдала, что большинству из нас это и представить себе трудно»¹⁴.

«Одной из причин отчуждения подростков становится бессилие, – считают Филипп Райс и Ким Долджен, – невозможность что-либо изменить» [Райс, Долджен 2014, с. 662]. В начале романа сообщается, что никто не знал о телекинетических способностях Кэрри Уайт, которые проявились в полную мощь после ее бегства со школьного бала: «...по ее щекам катились слезы, такие же тяжелые, как первые капли менструальной крови. Они таки добились ее раз и навсегда. Все кончено»¹⁵. В нарратив повествователя вплетены мысли и ощущения Кэрри. Вернуться домой она не могла: «Опять бесконечные бессмысленные молитвы, религиозные брошюры, Распятие, часы, отмечающие дни, годы, десятилетия ее жизни»¹⁶. Внезапно в ее душе «будто распрямилась стальная пружина <...> она почувствовала, что оставшиеся в школе в ее власти! Сила! Такое замечательное слово!»¹⁷. На наш взгляд, в романе прочитывается также отсылка к первобытным верованиям, древним архетипам, когда девушка, достигшая половой зрелости, «как бы содержит в себе заряд страшной разрушительной силы и, если его не обезвредить, это губительным образом скажется как на ней самой, так и на всех, с кем она соприкасается <...> подобно всякой другой силе, сама по себе не хороша, не плоха, но становится доброй и злой в зависимости от того, как ее применяют» [Фрезер 1998, с. 634]. Кинг подчеркивал: «Мы описываем ужасы, чтобы помочь людям справиться с реальностью» [Разумовская 2019, с. 193]. Можно согласиться с мнением Ю. Стулова, что книги Кинга позволяют проникнуть «в пограничное состояние человека, в сумеречную зону между сознанием и небытием и понять, как вроде бы вполне заурядные люди <...> провоцируют ужасные ситуации, в которых проявляется извечная борьба добра и зла, созидания и разрушения» [Стулов 2019, с. 115].

¹⁴ Кинг С. Кэрри. С. 140.

¹⁵ Там же. С. 193.

¹⁶ Там же. С. 194.

¹⁷ Там же. С. 195.

Литература

- Зверев 2013 – *Зверев А.М.* Лекции, статьи. М.: РГГУ, 2013. 503 с.
- Райс, Долджен 2014 – *Райс Ф., Долджен К.* Психология подросткового и юношеского возраста. 12-е изд. СПб.: Питер, 2012. 816 с.
- Разумовская 2019 – *Разумовская О. По.* Лавкрафт. Кинг: четыре лекции о литературе ужасов. М.: Рипол-классик, 2019. 222 с.
- Стулов 2019 – *Стулов Ю.В.* 100 писателей США. Минск: Вышэйшая школа, 2019. 383 с.
- Фрезер 1998 – *Фрезер Дж.Дж.* Золотая ветвь: Исследования магии и религии: пер. с англ. М.: АСТ, 1998. 976 с.
- Фуко 1996 – *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: Работы разных лет: пер. с фр. М.: Касталь, 1996. 446 с.
- Юнг 1994а – *Юнг К.Г.* Аналитическая психология. СПб.: МЦНК ИТ «Кентавр», 1994. 136 с.
- Юнг 1994б – *Юнг К.Г.* Воспоминания, сновидения, размышления / пер. с нем. И. Булкина. Киев: AirLand, 1994. 405 с.
- Bloom 2007 – *Bloom H.* Stephen King. N.Y.: Chelsea House Publishers, 2007. 222 p.
- Power 1997 – *Power B.M.* Reading Stephen King. Issues of censorship, student choice, and popular literature. Urbana: NCTE, 1997. 246 p.
- Strengell 2005 – *Strengell H.* Dissecting Stephen King. From the Gothic to literary naturalism. Madison: The University of Wisconsin Press, 2005. 308 p.

References

- Bloom, H. (2007), *Stephen King*, Chelsea House Publishers, New York, USA.
- Frezer, Dzh.Dzh. (1998), *Zolotaya veto': Issledovaniya magii i religii* [The golden bough. Research on magic and religion], AST, Moscow, Russia.
- Fuko, M. (1996), *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti: Raboty raznykh let* [The will to truth. Beyond knowledge, power and sexuality. Works of different years], Kastaľ, Moscow, Russia.
- Power, B.M (1997), *Reading Stephen King. Issues of censorship, student choice, and popular literature*, NCTE, Urbana, USA.
- Rais, F. and Doldzhen, K. (2012), *Psikhologiya podrostkovogo i yunosheskogo vozrasta* [Psychology of adolescence and young adulthood], Piter, Saint Petersburg, Russia.
- Razumovskaya, O. (2019), *Po. Lavkraft. King: chetyre lektzii o literature uzhasov* [Po. Lovecraft. King. Four lectures about horror literature], Ripol-klassik, Moscow, Russia.
- Strengell, H. (2005), *Dissecting Stephen King. From the Gothic to literary naturalism*, The University of Wisconsin Press, Madison, USA.
- Stulov, Yu.V. (2019), *100 pisatelei SShA* [100 writers of USA], Vysheishaya shkola, Minsk, Belarus.

- Yung, K.G. (1994), *Analiticheskaya psikhologiya* [Analytical psychology], Kentavr, Saint Petersburg, Russia.
- Yung, K.G. (1994), *Vospominaniya, snovideniya, razmyshleniya* [Memories, dreams, reflections], AirLand, Kyiv, Ukraine.
- Zverev, A.M. (2013), *Leksii, stat'i* [Lectures and articles], RGGU, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Тамара Л. Селитрина, доктор филологических наук, профессор, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа, Россия; 450077, Россия, Уфа, ул. Октябрьской революции, д. 3-а; selitrina@yandex.ru

Information about the author

Tamara L. Selitrina, Dr. of Sci. (Philology), Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa, Russia; 3-a, Oktyabrskoy Revolutsii St., Ufa, Russia, 450077; selitrina@yandex.ru